

Сны и видения в повести Гоголя «Страшная месть»

Исследование темы сновидений находилось у истоков психоанализа и остается неотъемлемой частью психоаналитической теории. Изначально сновидение рассматривалось как автономный внутриспсихический процесс, оберегающий спящего человека от пробуждения. В этом представлении, обширные области душевной жизни в ходе раннего развития оказываются вытеснены глубоко в бессознательное. Движимые энергией примитивных влечений, наполненные возбуждением и страхом, они, тем не менее, продолжают создавать значительное напряжение, которое никак себя не обнаруживает в периоды бодрствования, т.к. активно удерживается в бессознательном более поздними и зрелыми пластами психики. Относительно здоровый взрослый может даже не подозревать об этих областях собственной души за исключением тех случаев, когда они дают о себе знать, очень косвенным и отдаленным образом, в виде описок, очиток, ослышек, забываний и т.п., которые обычно воспринимаются как случайные и ничего не значащие. Соотношение сил изменяется во время сна, когда внимание отключается от внешних раздражителей, сознание угасает и ослабевают силы вытеснения. Ранние, инфантильные влечения, оживленные впечатлениями предшествующего дня, увеличивают напряжение возбуждения и страха, угрожая прервать отдых спящего. Сновидение становится компромиссным образованием, которое позволяет индивиду в обход остатков цензуры удовлетворить влечения галлюцинаторным образом и продолжить спать. То, что спящий видит во сне – лишь явная часть сновидения, продукт сложной бессознательной работы сгущения, смещения и символизации, оформленный на языке не абстрактном, но конкретно-образном, который не столько мыслится, сколько переживается сновидцем. Психоаналитическая процедура ассоциирования на тему сновидения и его толкования обеспечивает сравнительно быстрый доступ к скрытому материалу сновидения. Это не только дает важную информацию об организации психических структур, динамике душевной жизни и ведущих внутренних конфликтах сновидца, но и позволяет путем осознания гармонизировать внутриспсихическую динамику, разрешить конфликты и, отчасти, даже преобразовать структуру в более адаптивную.

Описанный выше подход к пониманию сновидений был существенно дополнен другим подходом, который сформировался в рамках теории объектных отношений. С позиций этой теории сновидение является способом мышления, попыткой создания смысла в столкновении с трудными

эмоциями. Сновидение – сложный процесс переработки, ассимиляции внешних и внутренних стимулов, который выполняет успокаивающую и организующую функцию. Этот процесс произрастает из раннего взаимодействия матери и ребенка. Ребенок на ранних этапах развития беспомощен перед собственными примитивными, непереносимыми переживаниями (бета-элементами). Он нуждается в матери как в контейнере, способном трансформировать угрожающие для ребенка чувства в нечто мыслимое, что можно выдержать (альфа-элементы). Находясь в естественном, хотя и сложном, состоянии, которое Блон назвал «мечтательностью» (reverie), мать бессознательно «переваривает» «несъедобный» материал эмоций, который ребенок помещает в нее посредством механизма проективной идентификации, осуществляя таким образом для ребенка так называемую альфа-функцию. Задача развития ребенка состоит в постепенной интроекции материнской альфа-функции, которая становится со временем его собственной и позволяет ему самостоятельно метаболизировать возбуждающие и пугающие стимулы. Созревание дает возможность видеть сны, которые обычно не превращаются в кошмары, и редко запоминаются.

Теория группового анализа освещает еще один важный аспект сновидения. С позиций этой теории человек является существом групповым по преимуществу. Рождаясь как физически отдельный индивид, он не является таковым психически, формируясь и оставаясь составной частью ранней семейной, а позднее, более широких социальных групп, к которым принадлежит. Те структуры, которые привычно рассматриваются как интрапсихические, не являются таковыми по сути, т.к. формируются и поддерживаются в процессе межличностного взаимодействия в соответствии с групповым шаблоном. Индивидуальное в психике человека представляет собой сравнительно небольшую и более позднюю, как фило-так и онтогенетически, надстройку над обширными и глубокими пластами общегруппового, которые Э. Фукс обозначил термином «матрица». Сновидения, таким образом, обеспечивают сравнительно легкий доступ не только к индивидуальному бессознательному, но и к бессознательному той группы, частью которой является сновидец. Они могут быть источником мощных инсайтов в отношении латентной динамики группы, ее базовых конфликтов и привычных путей их разрешения.

Я думаю, сегодня, как никогда мы нуждаемся в таких инсайтах. В наш век масштабных социальных потрясений, расслоения и переустройства всех общественных связей, взрыва коммуникационных технологий и связанного с ними мутного потока противоречивой информации, мы часто оказываемся в замешательстве, осаждаемые избытком тревожных событий дня, досаждаем на тщетность усилий в поисках смысла, направления и цели. Могут ли события ночи приблизить нас к пониманию того, кто мы есть как

профессиональная группа, как украинский народ, как часть европейского и мирового сообщества? Я надеюсь, мы найдем ответ на этот вопрос на протяжении трех дней нашего семинара Социальной матрицы сновидений. Тем временем, я хотел бы обратиться к литературной классике и предварить наше обсуждение кратким анализом тех снов, которые в качестве художественного приема использовал Н.В. Гоголь в своей повести «Страшная месть».

Как писал Фрейд, «художники – ценные союзники, а их свидетельства следует высоко ценить, так как обычно они знают множество вещей меж небом и землей, которые еще и не снились нашей школьной учености. Даже в знании психологии обычного человека они далеко впереди, поскольку черпают при этом из источников, которые мы еще не открыли для науки». Для понимания скрытых аспектов украинской ментальности мне представляется особенно ценным свидетельство Гоголя, непревзойденного мастера художественного слова, украинца по происхождению, по воле судьбы снискавшего славу на поприще русской литературы. Всю первую свежесть своего нарождающегося гения Гоголь отдал Украине, с поразительной точностью изобразив быт украинского села, города, запорожской казацкой вольницы. Невероятной любовью и нежностью наполнены его сочные описания украинской природы, удивительной живостью отличаются многообразные портреты украинских характеров. Но можем ли мы рассчитывать, что вымышленные события, относящиеся к началу XVII века, описанные украинским классиком русской литературы в начале XIX, поведают нечто важное о нас, живущих в XXI столетии? Давайте попробуем узнать, но, для начала, я попробую освежить в вашей памяти сюжет гоголевской повести, о которой будет идти речь в моем докладе.

«Страшная месть» была напечатана Гоголем в 1832 году во второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», однако, эта повесть выделяется из ряда остальных произведений цикла, бытовых, фольклорных, сказочных и забавных, неожиданным взлетом героического пафоса, который перемежается местами совершенной, пробирающей до озноба, жути.

Повесть открывается сценой киевской свадьбы. Со всех сторон и веселей, к есаулу Горобцю, который женит своего сына, съехались гости. Среди них названный брат есаула, казак Данило Бурульбаш со своей молодой женой Катериной и годовалым сыном. На свадьбе кипит веселье, стол ломится от угощений, льется рекой варенуха, гремят скрипки и цимбалы, гости кружатся в танце. Внезапно праздник нарушается пугающим происшествием – неизвестный молодец, с удалью отплясывавший козачка, при виде святых икон, которые вынес есаул, чтобы благословить молодых, переменяется в лице и на глазах у всех превращается в страшного горбатого старика с отвисшим носом, а затем исчезает. Свадьба испорчена и на какое-то время прерывается толками и пересудами о страшном колдуне, который вновь

появился в городе. Положение едва спасает новая бочка меда и несколько ведер греческого вина.

Следующий эпизод описывает ночное путешествие Данилы Бурульбаша, который на лодке по Днепру возвращается со свадьбы на свой хутор с женой и сыном. Катерина встревожена дневным событием и не может прийти в себя после появления колдуна и страшных рассказов о нем. Данило хмур и сердит. Его заботит не столько то, что незнакомец оказался колдуном, как то, что «он недобрый гость». Его появление он связывает со строительством новой крепости, которой ляхи хотят преградить дорогу к запорожцам с верховья Днепра. Видя старый замок, что возвышается на берегу реки, Данило подозревает в нем логово колдуна, грозит его разорить и сжечь. Проплывая мимо заброшенного кладбища, сидящие в лодке слышат доносящиеся оттуда крики о помощи. Они подплывают ближе, и глазам их открывается новое страшное зрелище: три высохших мертвеца, один за другим, поднимаются из могил с искаженными от ужасной муки лицами, и, стеная, вновь проваливаются под землю. Ребенок плачет навзрыд, Катерина испугана, Данило как может успокаивает семью тем, что все это морок, которым колдун хочет утратить людей, чтобы они не добрались до его гнезда. Но вот, ночное путешествие близится к концу и в долине между двумя холмами показываются соломенные крыши дедовского хутора Данилы.

Дома Данилу с женой встречает старый отец Катерины. Он очень недоволен их поздним возвращением и требует у дочери объяснений. Данило возражает, что о делах семьи следует спрашивать не жену, а мужа, но сам отказывается держать ответ перед тестем. Разгорается ссора. Мужчины начинают рубиться на саблях, Катерина тщетно пытается их разнять. Когда у дерущихся ломаются клинки, они хватаются за пистолеты и отец Катерины ранит Данилу, попадая пулей ему в руку. Катерине едва удается удержать мужа от ответного выстрела мольбой о сыне, которого никто не сможет защитить от «нечестивых зверей ляхов», если у него не станет отца. Тесть с зятем мирятся, но примирение это не выглядит искренним.

Нужно отметить, что отношения Данилы с отцом жены натянуты с тех самых пор, как тот поселился в их доме. Отец едва знает свою дочь, более 20 лет он пропадавал без вести в каких-то чужих краях, и появился в доме Бурульбаша совсем недавно. Данило смущен его угрюмым, замкнутым нравом, чужестранной одеждой и обычаям. У казака не лежит душа к тестю, его раздражает, что тот не пьет спиртного и не ест свинины. Данило чувствует недоброе и подозревает в Катеринином отце враждебные намерения.

На следующее утро Катерина просыпается смутной и беспокойной. Она рассказывает Даниле сон, что ей приснился ночью:

«Снилось мне, чудно, право, и так живо, будто наяву, – снилось мне, что отец мой есть тот самый урод, которого мы видали у есаула. Но прошу тебя, не верь сну. Таких глупостей не привидится! Будто я стояла перед ним, дрожала вся, боялась, и от каждого слова его стонали мои жилы. Если бы ты слышал, что он говорил...

– Что же он говорил, моя золотая Катерина?

– Говорил: «Ты посмотри на меня, Катерина, я хорош! Люди напрасно говорят, что я дурен. Я буду тебе славным мужем. Посмотри, как я поглядываю очами!» Тут навел он на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась».

Однако, Данило больше озабочен не сновидением жены, а слухами об угрозе вторжения ляхов и приготовлениями к обороне. Следующей ночью он остается настороже и не ложится спать. Увидев свет в окнах старого замка и черный силуэт чьей-то лодки на реке, он решает отправиться на разведку. Катерина не хочет отпускать мужа. Ей страшно ложиться спать, она боится снова увидеть тот же сон. Данило, тем не менее, уходит, заперев жену в комнате на ключ.

Пробираясь в темноте к замку, Данило различает сквозь заросли терновника очертания вооруженного мужчины в красном жупане, который идет в том же направлении. Узнав в этом человеке тестя, Бурульбаш идет по его следу и, когда тот скрывается за стенами замка, Данило взбирается на дерево, поближе к светящемуся окну, и заглядывает внутрь. Его взгляду открывается комната со стенами, которые испещрены странными знаками и увешены иноземным оружием. В призрачном голубоватом свете помещения мелькают нетопыри, в центре над столом с белой скатертью возвышается мужчина в красном жупане, и Данило окончательно убеждается, что это тесть. Облик мужчины меняется: его нос вытягивается и отвисает над губами, изо рта высовывается клык, глаза зеленеют, за спиной вырастает горб. И вот, перед Данилой тот же колдун, что возник накануне посреди свадебного пира и казак восклицает: «Правдив сон твой, Катерина!»

Колдун тем временем начинает ворожить над горшком с какими-то снадобьями, в комнате появляется вызванная его чарами душа спящей Катерины. Внезапно скованный непонятным бессилием, incapable произнести ни звука, Данило оказывается в собственной опочивальне, где различает знакомую обстановку, лишь вместо святых на иконах выступают мерзкие образы, то вновь переносится в комнату колдовского замка, где страшный отец ведет разговор с душой своей спящей дочери. «Ты помнишь все, что я говорил тебе вчера?» - вопрошает колдун призрачное видение. – «Я поставлю на своем, я заставлю тебя сделать, что мне хочется. Катерина полюбит меня!» Охваченный незнакомой ему робостью, Данило спускается с дерева и поспешно возвращается домой. Там он застаёт свою жену, разбуженную кошмаром. Загадочным образом содержание ее сна совпадает

с тем, что Данило видел наяву в комнате замка. Бурульбаш окончательно убеждается в том, что отец Катерины антихрист и богоотступник и заставляет жену отречься от своего отца. Отныне отцом она называет своего мужа.

Следующий эпизод показывает отца Катерины томящимся в подвале в ожидании мучительной казни, которую ему готовит Данило. Завидев через окошко проходящую мимо дочь, отец умоляет освободить его, просит дать ему возможность монашеской жизнью, покаянием и молитвой искупить свои грехи перед смертью. Поддавшись уговорам отца, во имя спасения падшей души, Катерина отпускает его на волю и в страхе ждет наказания от мужа за свой поступок. Ее спасает старая нянька, которая отводит подозрения Данилы в сторону от жены.

Некоторое время спустя мы видим Данилу сидящим за кухлем меда в своей светлице, задумчивым и понурым. Его снедают тревожные предчувствия и ощущение близкой смерти. Он говорит жене о прежних временах, о славных битвах, о чести и доблести казацкого воинства. Он сокрушается о том, что все меняется к худшему: «Кажется, и не стар, и телом бодр; а меч козацкий вываливается из рук, живу без дела, и сам не знаю для чего живу. Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми. Шляхетство наше все переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию».

Горестные раздумья Данилы прерываются набегом польского воинства. В разгоревшейся битве Данило Бурульбаш уже вот-вот должен одержать победу, но погибает, сраженный вражеской пулей. Стрелявший в него быстро скрывается за холмом, но Данило перед смертью успевает разглядеть его красный жупан и признает в нем своего колдуна-тестя. Есаул Горобець, прискакав с запоздалой подмогой, застаёт лишь остатки побоища и безутешную жену своего названного брата Данилы, которую забирает в свой дом вместе с ее годовалым ребенком.

В доме есаула Горобця Катерину продолжают мучать кошмарные сны. В них она видит колдуна-отца, грозящего зарубить ее сына, если Катерина не выйдет за него замуж. Домашние пытаются успокоить Катерину тем, что «сны редко говорят правду», но однажды ночью находят этому страшное опровержение – ребенок оказывается мертвым в своей колыбели. Обезумевшая от горя Катерина возвращается в родной хутор, где бродит босая, с распущенными косами и с ножом в руках, бормочет бессвязные речи и ищет повсюду отца-колдуна, одержимая жаждой мести. К ней пытается свататься какой-то заезжий казак. Он представляется названным братом Данилы Бурульбаша, утверждает, что по их уговору, если кого-то одного убьют, другой должен взять себе в жены жену погибшего. Тут разум Катерины яснее, в облике посетителя она различает черты вероломного

отца-колдуна и бросается на него с ножом. Но тот оказывается проворнее и через мгновение исчезает, оставляя за собой труп зарезанной им Катерины.

В этом месте последовательное повествование прерывается описанием неслыханного чуда, которое открылось киевским горожанам. Из Киева «вдруг стало видимо далеко во все концы света». Можно было ясно различить и Лиман, и Сиваш, и Крым, и Галицкую землю, и Карпатские горы. А на вершинах Карпатских гор «показался во всей рыцарской сбруе человек на коне, с закрытыми очами, и так виден, как бы стоял вблизи». Один из людей в толпе свидетелей этого чуда, при виде грозного всадника в страхе кинулся прочь. Беглецом был никто иной как известный читателю колдун. Охваченный невыразимым ужасом, с волосами дыбом вставшими на голове, дико озираясь по сторонам он примчался к святым местам и пал в ноги к старцу-схимнику, каясь и моля о помиловании. Но, раскрыв священную книгу и, увидев, как буквы в ней наливаются кровью, старец понял, что перед ним неслыханный грешник и отказал колдуну в отпущении грехов. Тот в бешенстве вскочил, и убив святого старца, помчался дальше, прочь от видения спящего всадника. Но напрасной была его попытка к бегству! С каждым шагом, который он делал вперед, дорога не удаляла его от Карпатских гор, а наоборот, приближала к ним, и так до тех пор, пока колдун не очутился на вершине Кривана прямо перед спящим богатырем на коне. Тот схватил колдуна и с громким хохотом сбросил его в пропасть. Уже умерев, колдун открыл глаза и глазами мертвеца увидел, как повсюду из земли стали подниматься мертвецы, один выше другого, как две капли воды похожие на него самого. Они бросились на труп колдуна и впились в него зубами. Только самый большой мертвец не смог подняться, «так велик он вырос в земле, а если бы поднялся, то опрокинул бы и Карпат и Седмиградскую и Турецкую землю; немного только подвинулся он и пошло от того потрясение по всей земле».

Заключительный эпизод повести переносит нас в сторону от ранее описанных событий - в город Глухов, где народ собрался вокруг слепца бандуриста и слушает его песни. Одно из сказаний бандуриста проясняет, по крайней мере, отчасти, те мистические происшествия, которые пришлось пережить семье Данилы Бурульбаша на пути к ее трагическому финалу. Это предание о двух казаках – Петре и Иване, которые побратались между собой, дав клятву стоять друг за друга и делить все поровну – и радости, и невзгоды, и военную добычу. Они поступили на службу к князю Седмиградскому Степану, который воевал на то время с турками и назначил огромную награду тому, кто захватит в плен турецкого пашу. Иван оказался удачливее Петра и первым смог исполнить поручение князя. Полученную награду он тотчас разделил пополам со своим названным братом. Но Петро позавидовал Ивану за оказанную тому княжескую милость и не смог сдержать мстительных побуждений. Во время перехода в горах он столкнул

Ивана в пропасть, а вместе с ним и его сына-младенца, единственного наследника. Завладев всей добычей, остаток жизни Петро провел в богатстве и изобилии. А когда умер, Бог призвал обоих названных братьев на суд и предложил Ивану, за понесенную им обиду, самому назначить наказание для Петра. Так ответил на это Иван: «Сделай же, боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете! и от каждого его злодейства чтобы деды и прадеды его не нашли бы покоя в гробах и, терпя муку, неведомую на свете, подымались бы из могил! А иуда Петро чтобы не в силах был подняться и оттого терпел бы муку еще горшую; и ел бы, как бешеный, землю, и корчился бы под землею!

И когда придет час меры в злодействах тому человеку, подыми меня, боже, из того провала на коне на самую высокую гору, и пусть придет он ко мне, и брошу я его с той горы в самый глубокий провал, и все мертвецы, его деды и прадеды, где бы ни жили при жизни, чтобы все потянулись от разных сторон земли грызть его за те муки, что он наносил им, и вечно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А иуда Петро чтобы не мог подняться из земли, чтобы рвался грызть и себе, но грыз бы самого себя, а кости его росли бы, чем дальше, больше, чтобы чрез то еще сильнее становилась его боль. Та мука для него будет самая страшная: ибо для человека нет большей муки, как хотеть отмстить и не мочь отмстить».

Таково содержание повести Гоголя «Страшная месть». Мой краткий пересказ едва ли в состоянии сообщить малую долю того чувства, которое вызывает прочтение оригинала. Перед внутренним взором с необычайной яркостью возникает картина бескрайней украинской степи, величественного и безмятежного течения Днепра, на берегах которого разворачивается тысячелетняя трагедия народа, веками теснимого и разоряемого кровожадными соседями, но сумевшего закалить свой характер и выстоять, сохранив язык, культуру и национальную самобытность. Осознание своей принадлежности к этому народу и его истории переполняет гордостью и достоинством. Презренным и жалким кажется все то мелочное, завистливое, корыстное, что стремится разрушить этот идеал, строит против него свои враждебные колдовские козни. Страшна участь предателя, но святость гнева и торжество справедливого возмездия свидетельствуют о том, что она заслужена.

Обидно и горько становится смотреть на то, как история нашего народа повторяет себя снова и снова. Другие жадные руки тянутся к нам со всех сторон, стремясь уничтожить наше единство и разорить наше достояние. Возмездие настагает одних корыстных предателей лишь для того, чтобы освободить место для новых. Высокие взлеты патриотического чувства и гражданского единения не уступают по силе своего духа героическому пафосу Запорожской Сечи, но быстро растворяются в колдовском мареве

политической вражды, оставляя нас опять наедине с чувствами недоумения и разочарования. Так и хочется опустить голову подобно Даниле Бурульбашу и повторить вслед за ним: «... живу без дела, и сам не знаю для чего живу. Порядку нет в Украине: полковники и есаулы грызутся, как собаки, между собою. Нет старшей головы над всеми».

Неужели такова наша тяжкая доля, и судьба к нам попросту несправедлива? Или чьи-то злые чары наложили на нас это проклятие? Не может ли быть такого, что мы сами в себе носим причину наших бедствий, чего-то не видим в себе, или не хотим увидеть? Так деревья на берегах Днепра в гоголевской повести клонятся к водам, «глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него».

Взгляд, зрение, слепота – немаловажный мотив повести. Страшные видения вдруг появляются перед глазами героев и тут же пропадают, как не бывало. Сердцем видит Данило недоброе в своем тесте. Яснеет взгляд Катерины, прозревающей колдуна под личиной мнимого доброхота. Но закрыты очи былинного всадника, спящего на вершине в ожидании мести, и слеп бандурист, поющий о нем свою легенду. Ясно как на ладони вдруг стал виден из Киева далекий Лиман, только недоумевают читатели, отчего земля галичская показалась киевлянам по левую руку от Лимана. Быть может просто ошибся автор, или в этом его намек на то, что у ясного зрения перспектива порой перевернута? С криком просыпается Катерина ото сна, в котором колдун наводит на нее свои огненные очи. Чем страшны они? Не тем ли, что сообщают истинную перспективу? И не тем ли, что в них можно увидеть собственное отражение?

Ткань гоголевской повести сложна и причудлива. Изложение будничное, прозаичное, вполне реалистичное по сути, то вдруг проваливается в бездну мистического хоррора, то внезапно воспаряет к высотам героического эпоса, то будто отступает к упоительному описанию природы, словно ищет себе успокоения в ее материнских объятиях некое бьющееся, тревожное чувство. Читатель легко оказывается захвачен им. Он плывет по течению повести как чайка плывет по течению Днепра, дремля на его гладкой поверхности, пока вдруг не затянет чайку в пучину коварный водоворот, и тогда она испуганно вспорхнет вверх и скроется в прибрежном лесу с жалобным криком. Чувство ведет читателя, заставляет его сопереживать героям, видеть мир их глазами, верить их правде. Чувство же легко пренебрегает теми деталями, которые могут свидетельствовать о другой правде, которая лишь для разума не останется незамеченной.

Былинный тон, на который порой срывается повествование, заставляет предполагать, что автор поместил все содержание повести в некий вневременный, символический контекст. С другой стороны, имеются

указания на ее вполне конкретную историчность, позволяющие довольно точно установить хронологию событий. Так, воспоминания Бурульбаша о давней битве с ордынцами на Соленом озере (Сивашская битва 1620), недавний приезд казака Микитки с Перешляя поля, где он «красным вином поил шляхту» (Переяславская битва 1630), слухи о строительстве поляками крепости, преграждающей путь к запорожцам (строительство крепости Кодак 1634-1639 гг.) дают возможность отнести свадьбу есаула Горобця к периоду между 30 и 34 годами XVII века. Так же, в образе Степана, князя Седмиградского, воевавшего с турками, нанимавшего на службу казаков и наделявшего их землями и почестями, легко узнать польского короля Стефана Батория, который правил с 76 по 86 годы XVI столетия, что позволяет датировать этим периодом события легенды, исполняемой слепым бандуристом.

Таким образом, со времени предательского убийства Петром Ивана до гибели Данилы Бурульбаша в стычке с поляками должно было пройти не более 60 лет. Поскольку за это время едва ли могло смениться более 2-3 поколений Петровых потомков, обилие томящихся в земле трупов выглядит поэтическим преувеличением песенника. С другой стороны, такая связность хронологии повести позволяет предположить, что драматические события в семье Бурульбаша также задуманы автором как вполне историчные, и лишь поданы им в мистически искаженной интерпретации вовлеченных в эти события героев. В самой манере повествования есть ряд указаний на правильность такого предположения. Так, в местах, где повествование ведется от лица автора, он всегда осторожен в выборе слов, описывающих достоверность событий: «ему *почудилось*, будто блеснуло в замке огнем узенькое окошко»; «*кто-то* в красном жупане, с двумя пистолетами, с саблей при боку, спускался с горы»; «входит *кто-то* в красном жупане и прямо к столу»; «уже пан Данило собирается в погоню, и взглянул, чтобы созвать своих... и весь закипел от ярости: ему *показался* Катеринин отец». И только в уста своих персонажей автор вкладывает окончательную убежденность в реальности того, что они видят: «Это он – это тесть!» или «Это он – это отец!» Убежденность эта всегда возникает на высоте аффекта, и, по-видимому, обусловлена аффектом, т.е., персонажи видят не то, что есть, а то, что хотят видеть.

Если попробовать вынести аффект за скобки и опираться только на факты, вся история предстает в другом свете. В повести отсутствуют определенные указания на то, что именно отец Катерины повстречался Даниле ночью на пути в замок, что именно тестя видел Бурульбаш, сидя на дереве и заглядывая в окно. Совершенно непонятной становится та уверенность, с которой Данило решает, что именно замок является логовом колдуна, ведь «на свадьбе все про него говорили разное и наверно не мог сказать никто». Само ночное посещение замка Бурульбашем попадает под

сомнение – странная скованность Данилы и мистический характер увиденного заставляют предположить, что все ночное путешествие ему просто приснилось. Также странен предлог для заточения отца Катерины и выдвинутые против него обвинения. Увиденное Данилой могло дать ему повод судить тестя за колдовство, однако, тесть приговорен к смерти за сговор с поляками – «намерение продать католикам украинский народ и выжечь христианские церкви», для чего у Данилы не было вообще никаких оснований.

Итак, героический образ доблестного воина, любящего отца и супруга меркнет, и вместо него выступает образ человека нетерпимого, жестокого, импульсивного, который склонен легко находить незыблемое моральное обоснование для своих сомнительных поступков. Так, осуждение тестя на казнь Данило оправдывает справедливым возмездием предателю. Вместе с тем, мы видим, что Данило изначально предубежден к тестю, ищет повода для ссоры с ним и по-настоящему движим мстительными побуждениями, вызванными ревностью и уязвленным самолюбием. Нападение на замок Данило замышляет под предлогом защиты веры и отечества, однако, многократные повторения – «Однако ж, думаю, он не без золота и всякого добра. Вот где живет этот дьявол! Если у него водится золото... Если ж у него точно есть золото, то мешкать нечего теперь: не всегда на войне можно добыть...» – выдают, что истинным его мотивом является банальная корысть. Темы насилия, жестокости и алчности довольно внятно звучат в описании образа Данилы – это и «выложенная бархатом и золотом шапка, снятая им вместе с головою у татарина», которую Данило обещает подарить своему подручному, это и «добытые на войне кубки серебряные и чарки, оправленные в золото», которые украшают стены в его хате, это и ностальгические воспоминания Данилы о минувших сражениях: «Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие каменья шапками черпали козаки. Каких коней, Катерина, если б ты знала, каких коней мы тогда угнали!» Вместе с тем, эти яркие черты характера Бурульбаша остаются незаметными для читателя, скрываясь в еще более ярком сиянии героического пафоса.

Семейное счастье Данилы с Катериной, при внимательном прочтении повести, также выглядит далеко не безоблачным. Между ними есть отношения привязанности и заботы, которые, тем не менее, часто прерываются вспышками ярости со стороны Данилы: «Молчи, баба!... Ведай свое бабье дело!» – восклицает он каждый раз, когда ему не нравится то, что говорит жена. Катерина верна и покорна мужу, только робко и изредка показываются признаки ее недовольства, например, тем, что Данило постоянно употребляет спиртное – «Я, пани Катерина, что-то давно уже был пьян. А? – Вот давно! а в прошедший...», – или тем, что Данило постоянно вовлекается в опасные авантюры – «Знаю, что затеваешь ты. Ничего не предвещает доброго мне встреча с ним...». Катерина боится мужа до

беспамятства, только во время драки Данилы с тестем она отбрасывает страх и становится более открытой в высказываниях: «О! я теперь знаю тебя! ты зверь, а не человек! у тебя волчье сердце, а душа лукавой гадины. Я думала, что у тебя капля жалости есть, что в твоём каменном теле человеческое чувство горит. Безумно же я обманулась». При этом, совершенно не ясно, о ком из дерущихся переживает Катерина, прислушиваясь к звону сабельных ударов за стеной и причитая: «Может, уже алая кровь бьёт ключом из белого тела. Может, теперь изнемогает мой милый; а я лежу здесь!»

Данило Бурульбаш живет войной и грабежом, и в жизни его жены, очевидно, мало любви. Те сетования на жестокую судьбу, которые Данило слышит от души Катерины, когда та обращается к вызвавшему ее колдуну, вполне могли относиться к самому Даниле и быть связанными с ранним и несчастливым замужеством: «О! зачем ты меня вызвал? – тихо простонала она. – Мне было так радостно. Я была в том самом месте, где родилась и прожила пятнадцать лет. О, как хорошо там! ... О, как обняла меня добрая мать моя! Какая любовь у ней в очах! Она приголубливала меня, целовала в уста и щеки, расчесывала частым гребнем мою русую косу...». Потребность Катерины в сексуальной любви оказалась запертой, безответной и находит свое выражение в инцестуозных кошмарах, в которых отец требует выйти за него замуж. Внезапное высвобождение сексуального влечения в сновидении не вызывает у нее ничего, кроме страха. Катерина требует, чтобы муж не отходил от нее, и соглашается отпустить его только при условии, что Данило запрет ее на ключ. Тот факт, что она не доверяет охране из десяти верных казаков, указывает на то, что источник угрозы она переживает скорее внутри себя самой, чем извне.

Для любви зависимой, детски-материнской, в ментальном пространстве героев повести также находится немного места. Годовалый сын Бурульбаша уже казак и растет для осуществления мести. Есаул Горобець приветствует в нем то, что «еще от колыбели не отстал, а уже думает курить люльку». Оральная тематика представлена в повести в повторяющихся образах изобильной пищи, питья и пьянства, и посредством игры смыслов часто оказывается связана с агрессией. Так, казак Микитка «поил... королевских шляхтичей красным вином» во время битвы на Перешляй-поле, а Данило Бурульбаш собирается «посполитство ... угощать свинцовыми сливами», устраивая засаду в лесу. Расплакавшегося сына Данило обещает накормить кашей, чтобы тот «рос козаченькам на славу, вороженькам в расправу». Все зависимое, детски-беспомощное прочно ассоциировано с переживанием угрозы: «Кто пригреет бедное дитя? Кто приголубит его? Пропадай, сын мой, пропадай! Тебя не хочет знать отец твой! ... нечестивые звери ляхи кинут в пламя твоего сына, когда сын твой будет кричать под ножами и окропом» - так рисуется Катерине будущее младенца, если тот останется без защиты.

Вместе с тем, детское, инфантильное в избытке присутствует в переживаниях персонажей, начиная от аффективной детерминации поступков и заканчивая крайне полярной картиной мира, в которой позитивные аспекты самости идеализируются, а негативные проецируются вовне, воспринимаются как преследующие и подвергаются уничтожению в лице врагов. Даже плач Катерины над телом ее убитого мужа выдает, что в образе грозного воина она угадывает детские черты: «Кто понесется на твоём вороном конике, громко загокнет и замашет саблём пред козаками? Козаки, козаки! где честь и слава ваша?»

На мой взгляд, именно инфантильные, незрелые аспекты самости и связанные с ними примитивная жадность, зависть, орально-деструктивные импульсы и мстительные побуждения составляют истинно производящую причину, приведшую семью Бурульбаша к трагическому финалу. Весь ход событий можно рассматривать как актуализацию этих аспектов и безуспешные попытки их интеграции, срыв которых каждый раз ведёт к деструктивным разыгрываниям. Сны, видения героев повести и искажённое восприятие ими действительности можно рассматривать как результат проекции непереносимых аспектов самости. Образ колдуна, который то появляется, то исчезает, отождествляясь то с танцующим гулякой на свадьбе, то с отцом Катерины, то с польским шляхтичем на поле боя, то с заезжим казаком, по-видимому, представляет собой персонификацию этих аспектов. Он словно вмещает в себя те негативные черты Бурульбаша, которые обозначены автором повести, но остаются незамеченными для читателя и не сознаются самим героем. Это орально-деструктивная жадность, находящая выражение в пьянстве, грабеже, убийствах и собственническом отношении к жене. Это примитивная ревность, которая затмевает рассудок и заставляет Данилу приговорить тестя к смерти по бездоказательному обвинению. Это склонность к импульсивным разрушительным поступкам, на поводу у которой Данило едва не убивает отца своей жены, спровоцировав ссору по довольно мелочному поводу. Это также неспособность к переживанию вины – побуждаемый Катериной просить прощения у тестя после драки, которая могла иметь самые печальные последствия, Данило сожалеет, «что худо и не по-козацки сделал, просивши прощения, не будучи ни в чём виноват».

Вместе с тем, колдун обладает и теми качествами, которых Данило, по крайней мере, на первый взгляд, начисто лишен. Наиболее отвратительно в колдуне то, что он предатель и богоотступник. Однако, если рассматривать образ колдуна как результат проекции неинтегрированных аспектов самости, то именно те побуждения, которые наиболее подавлены и наименее доступны принятию в Даниле, и являются теми чертами, которые наиболее ярко выступают в колдуне и вызывают по отношению к нему самое гневное осуждение. В повести присутствует две пары названных братьев. С одной стороны это Горобець и Бурульбаш, чье братство крепко, непорочно и не

запятнано никакими злыми помыслами, а с другой – Петро и Иван, чье братство осквернено завистью и подлым предательством. Эти пары вполне симметричны, лишь содержание отношений внутри них выглядит перевернутым. Появление еще одного мнимо названного брата Данилы, который сватается к его вдове и оказывается, естественно, колдуном, представляет собой своеобразное просачивание яда отравленных отношений из одной истории внутри повести в другую. Едва ли случайным является тот факт, что именно польскому королю служат легендарные Петро и Иван, ищут его покровительства и ссорятся из-за его милостей. Не прошло и полвека, как названные братья Горобець и Бурульбаш бьются насмерть с польской же шляхтой, которая в их восприятии выглядит не только враждебной, но массивно обесцененной («нечистые») и дегуманизированной («звери»). Настолько категоричная и яростная форма отвержения ляхов со стороны украинского казака могла быть связана с противоречиями внутри самой национальной идентичности, на которую полонизация и экспансия католицизма оказали самое широкое влияние, и должны были вызывать как минимум неоднозначное отношение.

На мой взгляд, непрочная, разобшенная идентичность находит свое отражение в наиболее глубинной черте колдуна, а именно – в его нарциссической уязвимости. Из всех пересудов, которые Катерина услышала о колдуне после его появления на свадьбе, ее больше всего впечатлила следующая история: «Говорят, что он родился таким страшным... и никто из детей сызмала не хотел играть с ним. Слушай, пан Данило, как страшно говорят: что будто ему все чудилось, что все смеются над ним. Встретится ли под темный вечер с каким-нибудь человеком, и ему тотчас показывалось, что он открывает рот и выкалывает зубы. И на другой день находили мертвым того человека».

Контакт с ядром самости, беспомощным, инфантильным, зависимым, осаждаемым собственными деструктивными импульсами, затруднен, крайне болезнен, сопряжен с переживанием сокрушительного стыда и реактивной ярости. Вместе с тем, этот контакт жизненно необходим. Все детское, беспомощное и зависимое, разрушающее и страдающее от собственной разрушительности, ищет возможности быть узанным, принятым и любимым, но найдя такую возможность, сгорает от стыда и в ярости уничтожает того, кто узнал и раскрыл любящие объятия, бежит прочь и мучается от нестерпимого страха возмездия, и вновь возвращается в поиске заботливых рук. Признание такой напряженной амбивалентности чревато жестоким разочарованием в себе и депрессией. Если амбивалентность непереносима, это раскалывает мир надвое, помещает все злое и разрушительное вовне, заставляет бесконечно сражаться с ним и переживать бесконечное преследование со стороны этого зла. По-видимому,

настойчивое появление колдуна в разных обличьях и его упорное домогательство любви являются отражением подобной динамики.

Разыгрывание деструктивных импульсов в искаженном расщеплением мире уничтожает не только внешних врагов, явных или мнимых, но, в первую очередь, уничтожает части собственной самости. Будучи неотъемлемой частью целого, они не могут быть умерщвлены полностью, но оказавшись отягощенными собственным злом настолько, что теряют всякую надежду на прощение и любовь, они становятся неспособными интегрироваться в эту целостность, погибают заживо. Образ трупов, растущих под землей, стонущих под ее тяжестью и не могущих подняться, голодных и яростно поедающих друг друга, по-видимому, отражает этот бессознательный аспект психической реальности.

Итак, давайте попробуем еще раз рассмотреть ход событий повести, теперь уже с учетом предложенного выше толкования. На свадьбе есаула Горобця в пьяном угаре кому-то померещилось нечто страшное. Все присутствующие охотно вовлеклись в эту ситуацию, используя образ колдуна как объект для проекций собственной тревоги. Поскольку содержание тревог у гостей есаула было различным, «все про него говорили разное и наверно не мог сказать никто».

Происшествие стало провоцирующим и для Катерины, оживив латентное содержание ее бессознательного. Мы предполагаем, что это содержание составляют конфликты вокруг сексуальности и зависимости в отношениях с мужчиной у женщины, которая росла без отца, рано, возможно против своей воли, вышла замуж и живет преимущественно в мужском окружении, испытывая недостаток как сексуальной, так и зависимой любви от сурового, своенравного мужа. Из всех историй о колдуне ей запомнилась та, в которой говорится об уродливом ребенке, которого никто не любит, которому кажется, что над ним смеются, и который убивает, едва завидев чью-то улыбку. Вероятно, именно эта история хорошо резонировала с бессознательными фантазиями Катерины о себе самой, о своем ребенке, муже, отце.

Катерина пересказывает эту историю мужу, когда они возвращаются ночью домой со свадьбы. В ее пересказе звучат одновременно и страх, и жалость к образу колдуна. Динамически этот пересказ представляет собой поиск контейнера для переработки непереносимого содержания, шаг на пути к интеграции проблемных аспектов самости. Однако, поиск контейнера в лице мужа оказывается для Катерины безуспешным. На явном плане мы слышим в ответе Данилы не вполне понятное мимоговорение – жена рассказывает ему о колдуне, а он отвечает об ожидаемом нападении поляков, отрезанном пути к Запорожской Сечи и своем недоверии к тестю. На латентном плане образ уродливого ребенка, убивающего от переживания стыда, очевидно, попадает в ядро бессознательных конфликтов самого

Данилы, связанных с противоречиями враждебности и зависимости, идентификации и соперничества в отношениях с отцовской фигурой. Вместо успокаивающей, организующей обратной связи на запрос Катерины, Данило переполняется страхом, гневом и деструктивными импульсами. Он проецирует субъективное переживание на реальную обстановку, расщепляя отцовскую фигуру на добрую (запорожцы, к ним путь отрезан) и злую (поляки, с ними сливается образ колдуна, их нужно ограбить и уничтожить). Образ тестя становится переходной зоной в этом расщеплении, наполненной сомнениями и недоверием. Катерина, неспособная справиться с исходными импульсами, получает их же многократно умноженными и получившими у Данилы валидизацию в реальности. Эта взаимная индукция между мужем и женой вызывает прогрессивное нарастание тревоги, которая разряжается проективным образом в видении трупов, поднимающихся из могил.

Однако, проекция не разрешает никаких конфликтов, а лишь увеличивает страх, и психологическая, а с ней и событийная драма повторяются на новом витке спирали. Данило отыгрывает актуализировавшийся конфликт в действии, провоцируя драку с тестем и утверждая таким образом свой пошатнувшийся нарциссизм, одновременно разряжая враждебные импульсы в адрес отцовской фигуры. Катерина видит в этом, по сути, инсценировку истории о колдуне – злобному, жестокому ребенку показалось, что над ним смеются, умаляя его достоинство (тесть без разрешения Данилы спрашивают отчета у его жены) и ребенок пытается убить обидчика. Страх Катерины нарастает и еще больше утверждается в реальности. Она видит сон, в котором колдун является уже персонально к ней, угрожает и требует любви. Теперь образ колдуна отождествлен с отцом. По-видимому, это связано с дракой накануне и с тем, что после нее Катерина бессознательно рассчитывает найти в образе отца, хотя и проблемный контейнер, но более перспективный, чем образ мужа. Уровень агрессии и страха в этом сне увеличивается, влечение и жалость явно отсутствуют.

Катерина рассказывает свое сновидение мужу с той же бессознательной целью (поиск контейнирования) и с тем же результатом (срыв контейнирования, индукция тревоги, резонанс, проекция, разыгрывание в действии). К переживаниям Данилы теперь добавляется ревность и уязвленное самолюбие от проигранного соперничества (тесть, фактически, одолел его в поединке). Весь комплекс переживаний находит отражение то ли во сне, то ли в видении Данилы, в котором он становится свидетелем разговора между колдуном и душой Катерины. По сути, созерцание таинственной комнаты в замке, в которой злой колдун домогается любви спящей женщины, вызвав ее душу злыми чарами, параллельно с созерцанием собственной светлицы, где на лавке происходит нечто настолько страшное, что автор рискнул обозначить это лишь троеточием, представляет собой не что иное, как фантазию о первосцене, в

которой Данило удовлетворяет свое инцестуозное любопытство и отчасти реабилитирует нарциссизм (душа Катерины заявляет о любви к нему и отказывает колдуну в домогательствах). Но в этом сне / видении Данила оказался замечен душой Катерины и колдуном. Он бежит прочь, охваченный робостью, которая, по-видимому, вызвана страхом наказания родительской парой за его подглядывание. При свете дня Данило справляется с этим страхом, спроецировав его на отца жены, окончательно отождествив тестя со злой стороной своей расщепленной картины мира, обвинив его в измене, предательстве, богоотступничестве и собираясь обрушить то наказание, которого сам боится, тестю на голову.

С этого момента ситуация полностью выходит из берегов и выливается в массивные, разрушительные отреагирования. Все хорошие объекты оказываются затоплены деструктивностью, им грозит тотальное уничтожение. Катерина пытается спасти хоть что-то, освобождая отца «ради спасения его души». Это никак не помогает, поскольку угроза аннигиляции нависла не только над реальными, внешними объектами, но и над внутриспсихическими. Бегство тестя повергает Данилу в депрессивное состояние. Его унылые размышления об ушедших временах запорожской славы и об отсутствии старшей главы над всеми выдают, что изгнание злой отцовской фигуры в лице тестя заставило его переживать оставленность и доброй отцовской фигурой в лице казачества. Тревожные предчувствия надвигающейся смерти, которые одолевают Данилу, по-видимому, связаны с бессознательным страхом возмездия за его агрессивные действия против отцовской фигуры. На короткое время он выныривает из депрессивного болота в маниакальный раж битвы с польской шляхтой, но погибает, видя в стрелявшем того внутреннего противника, с которым так и не смог найти примирения.

Тотальная аннигиляция хороших объектов свершилась и манифестировала безумием Катерины. Злой объект, персонифицированный в образе колдуна, оказался не интегрирован, а сплавлен с фрагментами расколота самости и фрагментами расколота, искаженной бредом реальности. Катерина больше не видит возможности спасения хороших объектов в жизни, а находит это спасение только в смерти. Если не принимать в расчет сказочную версию незримого появления колдуна в доме есаула Горобця и магического умерщвления им младенца в люльке, остается лишь одна реалистическая, хотя и не менее страшная возможность, а именно: Катерина сама убила своего сына и дала бредовое толкование собственному поступку.

Нестерпимое переживание нарциссического стыда, реактивного гнева, жажды мести и страха возмездия достигает последнего предела и разрушает саму ткань повествования, которое окончательно выходит за рамки бытовой драмы и разрастается до манихейских масштабов антагонистического

противостояния двух мертвецов – Петра и Ивана. Едва ли где-нибудь в литературе можно найти лучшее описание этого переживания, чем то, которое дал Гоголь: «Не мог бы ни один человек в свете рассказать, что было на душе у колдуна; а если бы он заглянул и увидел, что там деялось, то уже недосыпал бы он ночей и не засмеялся бы ни разу. То была не злость, не страх и не лютая досада. Нет такого слова на свете, которым бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать конем своим, взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всем и затопить ее в Черном море. Но не от злобы хотелось ему это сделать; нет, сам он не знал отчего».

Легендарный Иван потерпел обиду от завистника Петра и положил начало длинной череде мести и воздаяния. Эта череда должна завершиться на последнем потомке Петра, самом страшном злодее. Но последний потомок Петра – не колдун, отец Катерины, а его внук и сын Катерины – младенец, которого едва ли случайно автор тоже назвал Иваном. История обиды, мести и воздаяния замыкается в кольцо, череда ненависти становится бесконечной. Иван обречен вечно сидеть на своем коне на вершине Карпатских гор, ожидая исполнения мести. Петро обречен на вечное погребение заживо и никогда не сможет подняться из земли. Единственная возможность выхода из этого тупика – увидеть напротив не смертельного врага и обидчика, а собственное отражение в зеркале – остается для них недоступной.

31.05.2019.

